

мысль, Женское Начало, производящая все вещи. Сливаясь друг с другом, они объединяются и образуют Среднее... это есть Отец...

Вот Он, Тот, кто стоял, стоит и будет стоять, сила мужского и женского начал в Безграничной Силе, которая была до всего сущего...»⁵².

Здесь можно расслышать отзвук гермафродита из алхимии, символического андрогина, что впоследствии так очарует Леонардо. Но откуда черпал свои идеи Симон Волхв?

Карл Лакерт проследил «идеологические корни» учения Симона до религий Древнего Египта, по-видимому, это действительно так, и его идеи отражают и в какой-то степени развивают в новой форме эти культы. Хотя, как мы видели, в культуре Исиды/Осириса подчеркивается противоположность и равенство природы богов и богинь, но это иногда понимают как сплав начал в одном персонаже, в теле Исиды. Ее иногда изображают с бородой и верят, что она сказала: «Хотя я женщина, я стала мужчиной...»⁵³.

Учения Симона Волхва и Иисуса были в период ранней Церкви опасно схожи, вот почему Симона обвинили в том, что он пытался украсть христианское знание. Это является явным признанием, что его собственное учение было фактически сравнимо с учением Иисуса — до такой степени, что он был частью того же самого движения⁵⁴.

Возникает искушение отбросить эти слухи, как брань при скандале — но, как мы видели, есть доказательство того, что Магдалина была сексуальным инициатором (осуществляющей инициацию) в традициях храмовой проститутки, которая должна была нести мужчине дар *horasis*- духовного просветления через половой акт. Джон Ромер в своей книге «Завет» уже открыто говорит о подобии:

*«Елена Блудница, как называли ее христиане, была Марией Магдалиной Симона Волхва».*⁵⁵

И снова: есть и другая связь — через их вероятное египетское происхождение. Карл Лакерт говорит о Симоне:

«Как «отца всей ереси» его следует изучать сейчас не просто как оппонента, но и сознательного конкурента ранней христианской церкви — а может быть, и как потенциального союзника...»

Из факта их общего египетского воспитания вытекает сила той угрозы, которую представлял собой Симон Волхв. Опасность заключалась в том, что его могли перепутать с самим Иисусом...»⁵⁶.

Лакерт усматривает полное подобие в том, что он считает настоящей миссией двух проповедников. Он отмечает явную двойственность в проповеди Иисусом египетского учения еврейскому народу, но видит несомненную связь между начальной теологией иудаизма и теологией Египта. Он говорит о Симоне Волхве:

«(он)... считал, что его задача исправить то, что... пошло по неправильному пути, а именно, полную потерю женской божественной составляющей Тефнут-Махет-Нут-Исида из мужской головы бога»⁵⁷.

Этот тот самый мотив, которым, по нашей гипотезе, руководствовался Иисус в Иудее, и об этом же говорится в *Levicon*. Лакерт приходит к выводу, что Иисус победил Симона Волхва, только прибегнув к крайним мерам, включив в общую картину собственную смерть.